

ГЛАВА 1

АКАДЕМИЯ СТАРИКА

Руки вцепились в поручень.

— Я та, за кого себя выдаю, — прошептала Тьяна. — Та, за кого выдаю.

Паром не спеша тащил ее к острову. Из-под днища, вздымаясь седыми гребнями, выбегали волны. От утренней дымки все казалось зыбким и нереальным: даже собственные пальцы выглядели чужими.

Ветер всколыхнул шарф и набросил его на глаза — серый мир тут же потонул в кровавой пелене. Вздвогнув, Тьяна откинула алую ткань и затолкала шелковые концы за лацканы пиджака. Дотронулась до шляпки: не унесет ли в океан? Нет, с ней ветер ничего поделывать не мог — шпильки крепко держали круглую «таблетку».

Впереди, насколько хватало взгляда, была лишь вода. Тьяна, единственная из пассажиров, встала у левого борта. Другие, человек пять или шесть, предпочли правый — оттуда, во всем его блистательном нагромождении, виднелся Вельград. Столица, выросшая на месте другой. Город-падальщик, пирующий на разбитом сердце Мистерии. Тьяна не желала смотреть на него: навидалась, нажилась. И наживилась, как рыба на крючок. По плечам пробежал озноб.

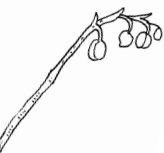
Убедившись, что рядом по-прежнему никого нет, Тьяна навалилась на поручень и яростно зашептала в темную зелень залива:

— Я та, за кого себя выдаю.

Шум ветра, рокот волн и рев двигателя жадно глотали ее слова.

— Я — Тьяна Островски, еду в академию Старика, чтобы изучать мистериянский и заниматься переводами. Я хочу быть хорошей студенткой. Может быть, даже лучшей. Для меня важна только учеба. Учеба. Больше ничего.

Выпрямившись, Тяня с облегчением вздохнула. Как же приятно выпустить скопившуюся ложь. Если долго держать что-то в себе, оно неизбежно начинает гнить. А то, что гниет, мерзко пахнет и привлекает внимание.

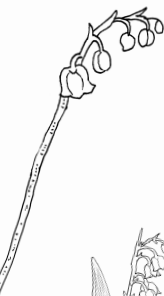
Не все сказанное было неправдой. Тяня Островски действительно была Тяной Островски. Она любила мертвый язык так же, как иные любят магазины одежды. От вида старинных книг у нее сбивалось дыхание, а сердце наполнялось светом. И ей хотелось, как же ей хотелось учиться в Старике — по крайней мере, раньше. Совсем недавно и бесконечно давно, до того, как город вонзил в нее свой клык. А теперь голову занимало совсем другое.

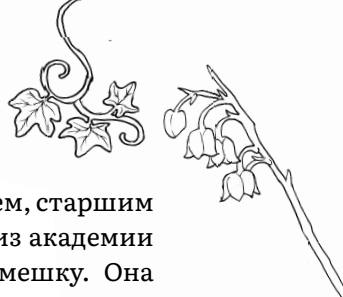
Тяня поморщилась и щелкнула крышечкой карманных часов. Без малого семь утра. Среда. Получается, у нее осталось примерно девять-десять дней. Тяня сжала поручень до боли в пальцах, подавив желание перемахнуть за борт. Глупости. Кончать с собой она не собиралась. Даже тогда, в Центральной библиотеке. После того, как заглянула в старый мистерианский словарь.

В тот день сердце Тяны едва не остановилось от ужаса, и, возможно, это был бы не самый плохой исход: умереть в единственном месте Вельграда, которое ей по-настоящему нравилось. Пасть под расписным куполом, на мраморном полу с золотыми звездами, в окружении молчаливых свидетелей — бесконечных картотечных рядов.

Пронзительный холод сковывал плечи. Тяне вдруг представилось, что сам мистерианский бог смерти — Хозяин последнего пира — возложил на них когтистые пальцы. Она невольно прислушалась: не звучит ли музыка? Хозяин всегда начинал с танца.

Ударил колокол. Тяня резко обернулась на звук и увидела, как из дымки выступил причал, а за ним — желто-багряно-зеленый холм, точно воплощение теплого октября. Пальцы снова коснулись шляпки, а затем скользнули в сумочку. Там лежала бумага о переводе, подписанная настоятельницей, старшей мастерицей и другими важными

дамами из академии Девы, а также настоятелем, старшим мастером и другими серьезными господами из академии Старика. Тьяна позволила себе горькую усмешку. Она грезила о переводе с первого дня учебы. Представляла, как сдаст все экзамены на высшие баллы и отправится на «остров гениев». Спала и видела это, и даже предстоящая разлука с Властой почти не отравляла мечту. Кто бы мог подумать, что ее отравит кое-что другое.

Подхватив чемодан, Тьяна сошла на берег. Она была единственной пассажиркой, покинувшей паром на этой остановке. Из-за туманно-безлюдного пейзажа складывалось впечатление, будто остров существует отдельно от мира — сюда не приезжают и отсюда не уезжают. От причала вверх вела грунтовая дорога, больше похожая на широкую тропу. Вдоль нее покачивались бледно-желтые сухие травы, увенчанные пушистыми кистями с белыми улиточными ракушками. Кое-где земля подмокла и превратилась в месиво. После асфальтово-булыжного Верха, где располагалась академия Девы, шагать по грязи было непривычно. Конечно, Тьяна могла бы обойти ее, пролезть через заросли, да не хотелось зацепить чулки. Она рассудила, что отмыть землю с туфель проще, чем заштопать тонкую ткань, и продолжила путь.

Взобравшись на холм, Тьяна увидела большие деревянные кресла, повернутые к воде. На одном, укутавшись в зеленый форменный китель и прикрыв лицо широкополой шляпой, дремал студент. Его длинные ноги были закинута на соседнее кресло. Голые тонкие щиколотки торчали из штанин. Тьяна тихо прошла мимо.

Тропа закончилась, и грязные каблуки ударили по багряному камню. Десятки дорожек разбегались в стороны, ведя к невысоким корпусам из красного кирпича, а затем сходились вместе на круглой площади с серой стелой посредине. В отдалении виднелись несколько башен и прозрачный купол, перехваченный металлическими скобами, — должно быть, оранжерея. Стены домов увивали то плющ, то виноград. Их листва почти не отличалась по

форме и оттенку, но кое-где из зелени выглядывали гроздья темно-лиловых ягод.

Сердце Тяны затрепетало. Вот оно, место, куда она так стремилась попасть. Однако стоило благоговению прорасти в душе, как его тотчас сбрил острый ужас. Вытянув шею, Тяна внимательно и напряженно огляделась: не мелькнет ли в толпе знакомое шахматное кепи?

Всюду бурлила жизнь: спешили студенты, вальяжно вышагивали мастера, распахивались двери и окна, а на большой лужайке играли в хлопту — биты гулко ударяли по мячу, раздавались крики: «Самосал! Самосал!» — и судья мучил свисток. Тяна с удивлением обнаружила, что команды тут смешанные: в каждой играли и девушки и юноши. Те, на ком была фиолетовая спортивная форма, представляли отделение переводчиков. Студенты в зеленой играли за ядовщиков. Тяна знала, что скоро тоже облачится в фиолетовое. Впрочем, мир рецептов и зелий казался ей не менее привлекательным. Будь ее воля, она сама бы сшила себе форму, распоров и соединив два кителя и две юбки разных цветов. Правда, такой наряд смотрелся бы комично.

Задумавшись, Тяна едва не получила мячом по голове. Он просвистел над ухом, обдав стремительным потоком воздуха. Высокий смуглый парень с двумя косами, лежащими на плечах, запоздало крикнул: «Берегись!» Взглянув на него, Тяна подивилась, сколько в юноше мистерианской крови, а затем развернулась и поспешила на площадь. Черно-белое кепи, слава всем ликам, ни разу не промелькнуло в толпе. Тяна не была готова встретиться с Велимиром.

Возле стелы, пробиваясь прямо через плитку и вспучивая ее корнями, росла кривая яблоня. Вероятно, дерево появилось здесь случайно, но садовник отчего-то пожалел самосевницу. Скользя взглядом по мелким красным плодам, Тяна повернулась к стеле.

Она надеялась обнаружить на камне полезные подсказки, что-то вроде: налево — дом настоятеля, напра-

во — пансион. В Деве ей не выдали никакого путеводителя, а потом никто не встретил с парома, поэтому, очевидно, здесь должен был находиться хотя бы один указатель. Однако на сером камне оказалось высечено совсем другое.

Остор Ястребог,
более известный как Старик,
основатель нашей нерушимой академии
и благотворитель сего брэнного мира,
предстал перед ликами в 981 году
от основания Галинского княжества
и покоится ныне под сим камнем.

Рье мо не.

Тьяна почувствовала легкое волнение и знакомый азарт, — так происходило каждый раз, когда она сталкивалась с мистерианским. Не в учебниках и словарях — в жизни. Если не знать, как строятся мистерианские идиомы, приписка в конце будет казаться бессмысленным набором слогов. Но Тьяна честно заработала свой высший балл в Деве. Покрутив в голове варианты перевода, она нащупала наиболее точный: «Мертвые знают ответы, да живые у них не спрашивают».

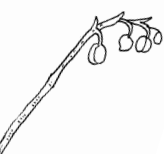
Удовольствие, полученное от расшифровки, на миг затмило все остальное. Тьяна улыбнулась. Рядом с ногой прошуршал гонимый ветром крупный сухой лист. Поддавшись порыву, Тьяна бросилась за ним. Настигла, наступила. Лист вкусно хрустнул под подошвой.

— Красный башмачок растоптал красный листок на красной брусчатке, — прозвучало за спиной.

Тьяна обернулась и вздрогнула, увидев собственное лицо. Исполосованное, раздробленное, точно у разбитой фарфоровой куклы. Один глаз выше другого, алые губы изрезаны трещинами. Тьяне понадобилась пара секунд, чтобы понять: это отражение. Всего лишь кривое отражение.

Перед ней стоял юноша с большим разбитым зеркалом в руках.

Оторвав взгляд от собственного искореженного лица, Тьяна отчеканила:

— Здравствуйте. Я ищу настоятеля. Не подскажите...

Молодой человек тряхнул медно-горчичными кудрями, указывая направо:

— Вон тот дом, из красного кирпича. Как и все остальные. Здесь действительно много красного. Кроваво-красного. — Он окинул Тьяну взглядом. — Вы впишетесь.

Тьяна присмотрелась к собеседнику, и сердце неожиданно подало сигнал: будь с ним осторожнее. Как с любимым, кому неровня. Пронзительные зеленые глаза, рыжие волосы и надменное выражение лица — всегда надменное, какие бы эмоции ни мелькали на нем, — громко заявляли о происхождении юноши. Тьяна не знала его, но догадывалась, кто перед ней. Один из Медовичей — рода, что древнее самого княжества.

Она буркнула: «Спасибо» — и повернулась, чтобы уйти.

— Не желаете взять один?

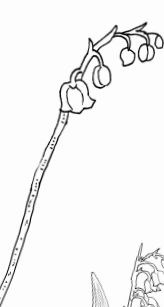
— Что? — Тьяна оглянулась через плечо и, снова наповорвшись на свое отражение, поморщилась.

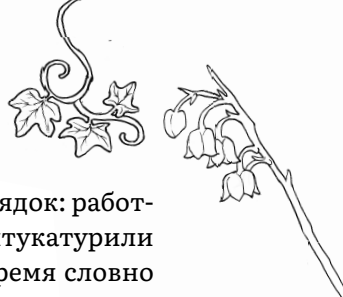
— Осколок. — Длинные черные ресницы чуть смежились, приглушив зелень радужек. — Не хотите?

— Это шутка?

Юноша холодно улыбнулся и, пожав одним плечом, понес зеркало дальше. Тьяна проводила его взглядом. То ли у Медовича помутнение рассудка (ох уж эти древние роды, что на заре веков баловались кровосмешением), то ли... Тьяна нервно поправила шляпку. В сердце закралось неприятное подозрение. Возможно, это была какая-то проверка. Тест на свой-чужой. Если так, то она его провалила.

Выкинув Медовича из головы, Тьяна поспешила к дому настоятеля. Сухие листья, гонимые ветром, шуршали по камням. Упоительно пахло увяданием, растворенным в пряности теплого осеннего утра. На всем вокруг лежала патина запустения. Тут виднелась трещина на кирпичач, там от стены, словно кусок обоев, отвалился плющ. В Деве такого не допускали — как бы ни было старо здание ака-

демии, снаружи и внутри поддерживался порядок: работницы, присылаемые с Низа, вечно что-то штукатурили и подкрашивали, скрывая изъяны. А здесь время словно выставляли напоказ. Лучшие годы Старика минули, но он по-прежнему пользовался популярностью у знатных семейств княжества и, конечно, манил провинциальных умников.

Настоятель не вышел к новой ученице, но его помощница любезно предложила лавандовый отвар и внимательно изучила протянутые листы. Отказавшись от напитка, Тьяна подписала необходимые бумаги и отправилась на поиски пансиона. Благо помощница указала направление.

Чемодан, хоть и не был особенно тяжел, оттягивал руку. Хотелось поскорее избавиться от вещей. А еще поплакать, но Тьяна пока не знала, сможет ли позволить себе такую роскошь. Она не слишком обнадеживалась: комнаты в пансионе, должно быть, рассчитаны на нескольких студенток. В Деве обычно жили по трое, хотя Тьяне повезло: одна из соседок покинула академию сразу после поступления, а со второй, Властой Шоршах, удалось подружиться.

Мимо, едва не столкнув Тьяну с узкой дорожки, промчался зеленый китель. Заметив аршинные ноги, она сразу же вспомнила студента, разлегшегося в деревянном кресле. Проспался, значит. Тьяну кольнуло странное предчувствие, и она замедлила шаг. Почему-то ей не хотелось привлекать внимание длинноногого, словно его интерес грозил неприятностями.

А он все-таки обернулся — и оказался не им, а ею. Тьяна уставилась на студентку. Узкое лицо с прямым носом. Губы цвета охры, создающие впечатление, будто девица целовалась с одним из кирпичных домов. Нарочито изогнутая, какая-то изломанная, но, несомненно, женская фигура.

Брюки, стоило признать, незнакомке очень шли, хотя в целом Тьяне не нравилась новая мода. Она бы и волосы

не обстригла на современный «кружной» манер, если бы не дурное воспоминание, которое хотелось срезать и забыть.

Девушка поправила галстук, отчего он скособочился еще сильнее, и окинула Тяну любопытно-насмешливым взглядом. Студентка-ядовщица, очевидно, относилась к шлепкам — новой группе молодых горожанок, любящих вечеринки на крышах небоскребов и быструю, с ревом, езду по ночным проспектам. Шлепки стягивались в Вельград со всех концов княжества, подобно тому как дождевые потоки стекают в яму и бурлят там. Откуда взялось это прозвище, Тяна не знала, но слышала от Власти пару версий: то ли из-за звука, с которым туфли с растегнутыми ремешками шлепали по пяткам («Ах, я живу на таких скоростях, что мне просто некогда застегнуть обувь!»), то ли оно было смягченным вариантом ругательства «шлендры».

Тяна не считала себя ханжой, но искренне не понимала, в чем смысл такой жизни. Ее куда больше привлекал настой бешеницы в колбе, чем игристое в бокале.

— Хм! — Засунув руки в карманы, девушка пошла рядом. — Я тебя тут раньше не видала. Перевелась из Девы?

— Как вы догадались? — Тяна попыталась не выдать любопытства.

— Говори мне «ты», ненавижу выканье.

Выдержав паузу — может, ядовщица все-таки ответит? — Тяна повторила вопрос:

— Как ты поняла, что я из Девы?

— Если кто-то выглядит как Дева и говорит как Дева... — Не закончив, незнакомка приподняла углы широкого рта и спросила: — Ну и где же зарыта кость?

— Что, прости?

— Чего перевелась-то?

— Причина перевода — в переводах. — Тяна тоже позволила себе легкую улыбку. — В Деве недостаточно хорошо преподают мистерианский.

Впрочем, это она еще мягко выразилась.

— Паф, хцорвету зарин.

«Что ж, знания освещают».

Глаза Тьяны широко распахнулись, а дыхание сбилось. Каждый раз, услышав безупречный мистерианский — а у ядовщицы было идеальное произношение, — Тьяна чувствовала странную смесь эмоций: ревности, раздражения и радости. Древний язык шел новой знакомой, словно сшитое по фигуре платье из драгоценной ткани, и она позволяла любоваться им. Любоваться собой. Тьяне, по ее собственным ощущениям, мистерианский то жал в самых непредсказуемых местах, то становился необъятно-утопляющим.

А еще она снова почувствовала это: как слова завибрировали в воздухе и будто расчистили его — до звона, до прозрачности. Поначалу они казались неуместными тут, среди краснокирпичных корпусов и современных одежек. А потом становилось ясно: это корпуса и одежды неуместны, когда звучит исконный язык. И мерещилось: позвени он подольше — и сдерет тут все, как шелуху.

Тьяна ответила:

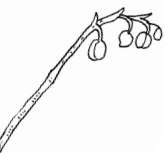
— Аль окхелова.

«Или отравляют».

Сразу поняла: не дотянула ударный слог — зажевала, не пропела. Но ядовщица и виду не подала. Дотронувшись до полей шляпы, она отвесила милостивый поклон. Охряные губы по-прежнему гнулись в улыбке — чуть насмешливой, но в целом дружелюбной.

Возможно, она хотела подловить Тьяну? Не вышло. В Деве действительно не делали ставку на мертвый язык, но читательский билет, точно магнит, каждый раз притягивал Тьяну в район Средни — к главной библиотеке города, чье величие начиналось с лестницы, усеянной юнцами-интеллектуалами, а заканчивалось... нет, оно не заканчивалось. Там-то, в одном из сводчатых залов, залитом светом золотых настольных ламп, Тьяна по-настоящему открыла для себя мистерианский. Его неземную красоту, обманчивую легкость и страшную тайну.

— Как тебя звать? — поинтересовалась девица.

— Тьяна. Тьяна Островски. А...

— Очаровательно! — хрипло хохотнула она. — Будем дружить. В моем алфавите как раз не хватало Тэ.

— Что, прости?

Ядовщица отмахнулась и сунула руку для пожатия.

— Гневлида. — Стиснула пальцы, встряхнула, выпустила. — Можно просто Гнев.

— Необычное имя.

— Батюшка крупно проигрался в день моего рождения. Был пьян, сердит, вот и ляпнул, не подумавши. Ты в пансион? Нам налево.

Они достигли стелы, и Гнев потянула Тьяну за собой. Той пришлось упереться каблуками в брусчатку.

— Помощница настоятеля сказала, что направо.

— А! — с досадой бросила Гнев. — Значит, ты виноград.

— Виноград?

— Да, виноград. А я — плющ. Увы, нам не суждено быть вместе.

«Не очень-то и хотелось», — подумала Тьяна, но вну три все-таки кольнуло.

Неприятно оказаться отвергнутой. К тому же ей не мешало завести друзей, пусть и фальшивых. Ведь если у нее все получится, то на кого первым падут подозрения? На новичков, одиночек и низкословных, разве не так? А она — яркий представитель и тех, и других, и третьих. Только приехала, никто ее не знает, да к тому же еще и родом из южной глуши.

Поймав себя на том, что понурила плечи и опустила голову, Тьяна резко выпрямилась.

— До свидания, Гнев. — Каблуки застучали по дорожке.

— Эй, Тэ! — окликнула новая знакомая. — А ты тут вообще знаешь кого-нибудь?

Вопрос застал врасплох: Гнев словно прочла мысли Тьяны. С губ сорвалось: «Да», и она тотчас пожалела об этом.

— И кого же?

